

Træ-Industri-Bygt
Afd. 12 Aarhus

Алекс Шуб: когда играет музыка, я не могу заниматься любовью

Виктор СЕДОВ

Русский эмигрант Алекс Шуб наверняка прижился бы в поздних книгах Довлатова. У басиста и основателя легендарной «Амальгамы» — то же западное отношение к жизни и тот же говорок, в котором английские слова причудливо мешаются с русскими. Одно отличает Шуба от большинства довлатовских героев-эмигрантов: на Западе Алекс стал успешным.

— *Что написано на твоей кепке?*

— «Парк лесопосадок, строение 12е».

— *???*

— Это второе мое хобби после гонок на картах. «Парк лесопосадок» — это такой экологический лагерь, каждое лето мы с друзьями выезжаем туда «жить экологически». Там особые дома, в которых нет острых углов, портящих энергетику. Там вилки-ложки, которые после использования растворяются в воде, поэтому нет надобности мыть посуду. Мусор — все, что мы выбрасываем в лагере — разлагается через день-два. Фишка в таком отдыхе — промоушн «здорового» мусора.

— *Как так получилось, что родители с шести лет пичкали тебя «пианином», а ты стал бас-гитаристом?*

— Пианино меня никогда особенно не интересовало. А вот когда в 14 лет мама купила мне первую бас-гитару, я вдохновился! Настолько, что в 10 классе поступил в вечернюю музыкальную школу, потом — в музыкальное училище. Через полгода умер папа, и у меня от этого просто снесло крышу. С учебой было покончено, но я — семнадцатилетний boy — оказался в государственной филармонии.

— *Когда появилась «Амальгама»?*

— В 1985 году. Тогда я сделал свои первые сольные записи. Но я был единственным регулярным членом этой группы, выбирал отдельных людей и с ними играл. В '86 году мы записали первый альбом — это было такое время, когда рок перестал называться «музыкой отщепенцев», и многие ресторанные музыканты обратились в нашу «веру». Мы записывались дома у одного известного ныне шансонье, постоянно пользовались его микшером...

— *«Амальгаму» два года подряд признавали лучшей рок-командой Си-*

бири — казалось бы, хороший задел на будущее. Из-за чего группа распалась?

— Из-за квартирного вопроса: наш вокалист был приезжим человеком с Сахалина, ему просто негде было жить в Красноярске. В конце восьмидесятых интерес к подобной музыке стал ослабевать, и это ускорило развал «Амальгамы». В начале '90 года еще сделал какие-то записи, они не вызвали ни у кого особого интереса, и я оставил музыку — устроился юристом в сталелитейную компанию. Два года спустя получил два приглашения — первое в Штаты, второе в Данию. В Америку звали в качестве переводчика...

— *Ты хорошо говоришь по-английски?*

— Иная была единственной отличной оценкой в моем университетском аттес-

тате. А все потому, что я единственный из группы читал в оригинале журналы «Playboy», которые неизменно стимулировали мой язык.

— *Закрадывается подозрение, что не только язык. И откуда ты их доставал в восьмидесятых-то годах?*

— Были свои каналы: друзья ездили в Москву, моя дальняя родственница еще при Сталине работала кинематографистом, так что лапа в столице была. Всякие «The Morning Star» и прочая дребедень, которую нас заставляли читать в универе, не могли привить любовь к английскому. А политические статьи в «Playboy» оказывались настолько интересными, что я приходил в аудиторию и пересказывал, как будто прочел все это в «The Morning Star».

— Но ты в итоге предпочел Данию?

— Меня в США просто не пустили. В Данию же я уехал по частному приглашению от моего хорошего друга... И уже не вернулся.

— Что заставило тебя остаться за бугром?

— Во-первых, страх за собственную жизнь. Здесь я работал юристом, у компании появилась «крыша» и потом все так круто завертелось, что начали постреливать... Я почувствовал, что нахожусь не в самом спокойном месте, и на этом моя юридическая карьера закончилась.

— И так, ты приехал в Данию...

— ...я приехал в Данию и попытался продать свой «бас», который был у меня еще со времен «Амальгамы». На объявление в газете клюнули не покупатели, а музыканты — они позвонили и сказали: «Твой «бас» мы не купим. Но он у тебя

шибко клевый, так что приходи к нам играть!» Таким нехитрым образом я впервые попал в acid jazz группу, игравшую авангардную музыку.

— С юриспруденцией было покончено?

— Я пытался устроиться в университет работать юристом, писал тонны заявлений на работу: мол, я восемь лет отучился, у меня замечательные дипломы и курсики. Но никто меня к себе не взял — наше образование для европейцев не достаточно professional. Меня даже дважды показывали по копенгагенскому телевидению — как русского юриста, который не может устроиться. И через три года мытарств я понял, что по специальности в этой стране никогда не буду работать. Но поскольку я не бизнес-человек, оставалась только музыка. С 1992 по 2000 год у меня ничего не получалось. Я работал с группами, которые не были подписаны

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

- До 1980 года ездил с так называемыми «бригадами артистов эстрады». Потом работал в ресторанах.
- До середины 1982 года играл во всесоюзной группе «Всюду с песней».
- В 1984 году играл в питерской рок-группе «Джунгли».
- В 1985 году созданный Шубом коллектив «Амальгама» впервые отмечен жюри джаз-фестиваля в Хабаровске. Полгода спустя «Амальгама» и «Звуки Му» становятся хедлайнерами фестиваля в Мирном.
- В 1986-87 гг. «Амальгама» становилась «главной группой Сибири» на фестивале в Барнауле.

ФИЛОСОФИЯ

Философия Шуба проста: «Можно найти себе гору и взбираться на нее высоко-высоко, как только сможешь. Карабкаться и взбираться всю жизнь. Ты можешь даже подняться на самую вершину, но тогда обнаружится, что до тебя там уже кто-то давным-давно побывал. А можно начать насыпать свою гору. И пусть она будет не такой большой, как та, на которую лезут все, зато уже никто не сможет подняться на нее выше тебя. Вот и весь секрет».

под компании, и как только я уходил из группы — ее подписывали. Или я только приду в группу — вокалист проваливается в запой, и коллектив идет вниз. Восемь лет тотальной неvezухи: все разваливалось в руках!

В 2000 году я устроился на работу в качестве международного менеджера в «Extreme Records» — компанию, занимавшуюся прокатом датских музыкантов на Западе. Мы знакомимся, я им нравлюсь, они выпускают мою первую сольную пластинку. Не скажу, что круто на этом заработал: я продал не больше пяти тысяч дисков на всю Данию. Но зато этот альбом открыл для меня многие двери. Я стал играть lounge, r'n'b и fusion jazz, которых у меня в принципе раньше не было. И это постепенно меня переориентировало. Из класса развитого любительства я перешел в профессионалы.

С 2003 года я очень много работаю в lounge music: с группой «Outer Face» попал на сборник «Buddha Bar». В том же году я оказываюсь в Америке по приглашению «McIntosh Developers» — они сделали музыкальный software и пригласили меня для его демонстрации в качестве бас-гитариста. Я выходил на сцену перед зрителями, играл свою сорокаминутную программу, а мой «вход» был заведен в огромный компьютер, который анализировал звуки и гармоник и заставлял танцевать такого... компьютерного человечка. Я играл на гитаре, а эта фигурка выдавала всяческие человеческие па.

— Как ты думаешь, насколько сочтены профессии юриста и музыканта?

— Я ж не первый такой. Великие композиторы тоже были — кто ученым, кто военным. Общее в юриспруденции и музыке — дисциплина. Ноты — своего рода закон. Если ты хорошо знаешь закон, внутри которого живешь, ты однозначно играешь лучше.

— Как насчет ностальгии?

— Каждый эмигрант проходит через такие настроения. Но сейчас все улеглось. Я впервые приехал сюда после отъезда в Данию в 1994 — и не испытал никакой ностальгии. Если ты уезжаешь за границу, ты перестаешь быть русским в какой-то степени, и становишься... человеком мира, что ли. Вернее, ты становишься еще кем-то...

Меня часто спрашивают, где бы я хотел жить. А мне — на самом деле! — все равно. Желательно, чтобы окружающие тебя люди говорили по-английски, но если у меня там будет источник дохода и люди, слушающие мою музыку...

— Ок. Если тебе не важно, где жить, то важно, КАК жить? Я говорю о качестве жизни сейчас... Что для тебя комфортный минимум в быту?

— У меня в университете был преподаватель Борис Иосифович Хасан. Он говорил: «Ни один человек не делает то, что хочет. Каждый делает то, чего не может не делать». Это очень глубокая мысль! Когда говорят «талант!» — это как раз то, чего ты не можешь не делать. Если в человеке есть полюс — плюс или минус, — то он будет превалировать над желанием устроиться по жизни. Желание устроиться — тормоз. Твое внимание отвлекается на нефункциональные детали. Вот французы: они могут жить в очень грязной квартире, никогда ее не убирать, но они готовы тратить массу денег на одежду. С ними всегда было так: имидж важнее дома. В Дании наоборот: у тебя обязан быть дом, и там должно быть тепло и уютно. А в чем ты ходишь по улице — никого не волнует.

— Как у тебя с домом?

— Я снимаю квартиру и вижу в этом плюс: не вкладываю деньги в долгосрочные обязательства, выбираю район, который мне больше нравится...

— Элитный, небось?

— Нет, я обитаю в самом дешевом, «арабском» районе. Это интернациональный центр города — у меня на лестничной площадке живут люди из пяти-шести

стран. Все здесь рядом: я езжу на велосипеде, моя девушка ездит на велосипеде, у нас под боком живет велосипедный мастер-палестинец, который постоянно повторяет: «Алекс, как хорошо, что ты русский, но при этом не еврей!»

Мой район — зеркальное отражение всех событий мира. Ты оказываешься в многонациональной среде — можно не читать газет, но знать, что происходит в мире. Вот идет в свой киоск мой сосед Али. А я смотрю, как он идет. Если он веселый, глазает по сторонам и орет на своем странном языке, — значит, у него на родине все хорошо. Если Али голову повесил — значит, израильтяне бомбят Палестину или еще что-то такое.

— Насколько русская музыка во всех ее проявлениях отличается от европейской?

— Я считаю, что основная масса музыкального потребителя в России — безбожно деградирует. Пример простой: 80% того репертуара, что сейчас играют в ресторанах, было написано до моего отъезда за границу в 1992 году. Основная масса проката музыки восходит к золотому веку Советского Союза. И с того времени не было создано ничего толкового.

— А в Европе разве нет этого банального мейнстрима и попсы?

— Смотри что понимать под словом «мейнстрим». В Европе в голову никому не придет играть под фонограмму. Это так далеко.

— То есть, нам нужно законодательно запретить использование фонограмм, чтобы началось движение?

— Все зависит не только от музыканта, но и от потребителя. Когда потребитель дебил, у него и запросы дебилские. И какой бы ты ни был талантливый музыкант, тебе проще работать себе в карман и в угоду дебилу. Непризнанные гении в России во все века что-то доказывали, но пока ничего не доказали.

— Хорошо, ты талантливый музыкант, играющий не для дебилов. Но что-то выходящее за твои рамки ты слушаешь?

— Для работы слушаю басовую музыку. Насчет всего остального — про черк. Когда играет музыка, я даже любовью не могу заниматься! Пока не выключу магнитофон или CD, девушка будет у меня на втором плане, потому что я слушаю. А если не дай Бог мне что-то не понравится или приглянется — мне вообще не до любви сразу.

— Назови людей, с которыми ты мечтаешь сыграть вместе?

— У меня есть дрим-проджект: в мире работают несколько барабанщиков, с которыми я хотел бы сыграть. Может быть, я сыграю с Майком Террано, участвовавшим в «Halloween» и массе тяжелых проектов. Он очень техничный барабанщик!

— В каком виде твою музыку знают в России? Как нынешнюю или как «Амальгаму»?

— Я «Амальгаму» в прошлом году купил себе сам. У меня уже давно не было никаких своих записей, а тут иду по Москве и вижу: «Монстры рока на тр3». И покупаю два своих альбома. Приятно было!

А сольная музыка... Я каждый год работаю на Международной музыкальной выставке в Сокольниках, и каждый год мне приходится множество людей, покупают пластинки и так далее. Есть, есть интерес к моей музыке и к стилю моей игры.

— Насколько я знаю, ты приезжаешь в Красноярск только на день рождения своей мамы. Насколько в тебе сильна «семейственность»?

— О, я очень связан со своими предками. Мой прадедушка был холопом у барина — хозяина деревни Кляковки, что под Минском. И не было у деда ни имени, ни фамилии, только кличка — Соловей... За красивое пение барин дал Соловью вольную. И я мистически похож на своего деда — музыка помогла мне получить вольную. Я приехал в Данию и не смог заниматься ничем другим, и благодаря музыке нашел свою будущую жену, и благодаря ей остался в Европе. Такая, брат, метафизика! 🎸

